

Илона Эндрюс
Незритый клинок

Человек - 1

Трудно избавиться от застаревшей ненависти. Но ещё труднее — от старой любви. На родной планете Мели Галдес борьба за власть — это кровавое, безжалостное состязание, как в бизнесе, так и на поле боя. Годами смертоносное мастерство Мели верно служило интересам её семьи. Она давно заработала право уйти на покой, но родня просит об ещё одной, последней, услуге — убить того, кто разрушил её жизнь. С помощью превосходной деловой хватки и умения владеть клинком Селино Карванна завоевал право поступать так, как ему хочется. И только одним он не может управлять — своей реакцией на загадочную женщину, которая будоражит его чувства. Одним взглядом она заставляет закипать его кровь, будит нелепые подростковые фантазии о женской груди и мёде. Парой слов пронзает его сердце. Кто она? И как смогла так легко проникнуть в его душу, несмотря на все защитные барьеры? Заманить Селино в ловушку оказалось просто, даже слишком. Мели собирается насладиться им, упиваться каждым моментом, до последней капли. А убедившись, что завладела жертвой полностью, она наконец оплатит за десять лет боли, открыв жестокую правду. Предупреждение: Героиня великолепно поражает движущиеся мишени, герою не терпится залезть к ней в трусики, а секс героев улучшен имплантатами (нет, не теми, о которых вы подумали).

Илона Эндрюс

Незримый клинок

Во время колонизации космоса возникла необходимость в людях со сверхспособностями. В мужчинах и женщинах, подходящих для выживания в тяжелейших условиях, в превосходных воинах, одарённых охотниках и блестящих учёных.

Иногда человеческие возможности расширялись за счет технологий: набора различных по функциональности имплантатов; но после смерти носителя имплантаты становились бесполезны. В других случаях «улучшения» происходили на биологическом уровне, становились наследственными и передавались потомству. В результате изменений и мутаций у представителей последующих поколений появлялись абсолютно новые способности. Вскоре стало понятно, что основное преимущество биологических усовершенствований — в их эксклюзивности. Поэтому био-модифицированные объединились и запретили все дальнейшие работы в этом направлении.

Названные потомками, эти незаурядные существа дали начало нескольким дюжинам родов, которые ныне составляют финансовую элиту колонизированных планет. Потомки строго контролируют свою численность. Они крайне преданны своим семьям. Подобно сицилийской мафии и враждующим корсиканским кланам древней планеты, они непрестанно и напряженно состязаются друг с другом. Именно это состязание правит экономикой, разжигает и гасит войны, толкает человеческую цивилизацию по пути технического и научного прогресса.

— Положите руки на панель перед собой. — Телохранитель в стильной серой униформе корпорации «Канопус» кивком указал на пласти-стальную консоль, выступающую из роскошного коврового покрытия подобно грибу на тонкой металлической ножке.

Когда, улыбаясь, Мели приложила пальцы к панели — при этом по правому запястью скатился тонкий браслет, — четыре крупнокалиберных орудия, установленных на турелях под потолком, повернулись, отслеживая каждое движение. Она уже прошла через ряд металлоискателей, выдержала личный досмотр и обследование химическим анализатором. Осталась последняя проверка.

Свет скользнул по ладоням, сложная система анализаторов с огромной скоростью оценивала температуру, химические эмиссии, состав потовых и жировых выделений на кончиках пальцев, а также зондировала тело Мели на наличие посторонних воздействий. Ожидание затянулось. Спокойный, лишенный акцента и выразительности женский голос, смодулированный компьютером, сообщил:

— Результат сканирования на наличие имплантатов классов от А до В — отрицательный. Биологических модификаций не обнаружено.

Охранник слегка расслабился. Исчезло напряжение в линии его плеч — у Мели нет шансов в борьбе с телохранителем, имеющим боевой имплантат, который обостряет рефлекс и увеличивает физическую силу обладателя.

— Можете спуститься, — разрешил он. — Идите за мной.

Она проследовала за ним до большой деревянной двери, отполированной до янтарного блеска. Марувианская сосна, невероятная роскошь. Охранник набрал код на своём запястье. Дверь скользнула в сторону, за ней оказалась ещё одна — но только стальная —

перегородка, которая раскрылась, разделившись надвое. Мели вошла в просторный кабинет. Позади тихо сомкнулась дверь.

Её ждали трое: мужчина постарше сидел за столом, вырезанным из цельного куска малахита, а два бдительных сухощавых телохранителя — мужчина и женщина — стояли у противоположных стен по бокам от неё.

Им она тоже улыбнулась.

Мужчина за столом слегка наклонился вперёд. Агостино Канопус — тридцать восемь лет, потомок, четвёртый сын Виэрры Канопуса, арбитражный судья второго класса. Будучи среднего роста, он обладал аурой непринужденной властности, присущей человеку, полностью уверенному в своём положении. Тёмно-рыжие волосы со вкусом пострижены и аккуратно уложены, кожа идеальна. Глаза совершенного темно-зелёного цвета впились в Мели: оценена со всех сторон и одобрена за долю секунды.

— Присаживайтесь. — Агостино небрежным взмахом руки указал на привинченный к полу табурет.

Мели села.

— Вы пришли сюда, чтобы стать слугой семьи Канопус. Почему?

— Власть.

В экономически развитом обществе, где большинство споров разрешаются путём арбитража, судьи обладают небывалым влиянием.

Агостино кивнул. По-видимому, объяснение удовлетворило его.

— Результаты ваших тестов превосходны.

В ответ на комплимент она склонила голову:

— И скорость реакции тоже.

Он нахмурился.

— Что...

Мели вскочила со стула. Подчиняясь ментальной команде, из тонкого браслета на её запястье вылетела длинная прозрачная зелёная ленточка. Эне-лента рассекла женщину-телохранителя, хлестнула по двери и легко скользнула по груди охранника-мужчины. И прежде чем с губ Агостино успело сорваться следующее слово, Мели уже сидела на стуле. За её спиной распались разрезанные надвое тела. В воздухе запахло горелой электроникой. Смертоносный зелёный луч повредил панель управления на двери.

Агостино осмотрел дверь.

— Мелдер.

— Да.

Мелдеры встречались очень редко. Мутация, которая дала Мели власть над энергетической лентой, возникала в одном из пятнадцати миллионов индивидов, и большинство из них никогда так и не обнаруживали в себе эту способность. Даже в мире боевых имплантатов и биологических модификаций такие, как Мели, считались странными чудесами природы.

Агостино откинулся на спинку кресла, закинул ногу на ногу и переплел пальцы на колене.

— В чем дело?

— Семья Галдес передает вам привет.

Десять дней назад он рассматривал в арбитражном суде тяжбу между Галдесами и Морганам. Дело решилось в пользу Морганов, суд не усмотрел нарушений в агрессивном

поглощении акционерной компании «Валемия», принадлежавшей семье Галдес.

— Суд был честным, — сказал Агостино.

— Вы сфабриковали улики. — Речь Мели оставалась вежливой и спокойной. — Изменили оценочные данные о прибыли за третий и четвёртый кварталы и помогли скрыть сведения об активах Морганов до поглощения, создавая тем самым для них образ слабой компании. Ваши действия нанесли непоправимый ущерб репутации семьи Галдес и на одну двенадцатую уменьшили их доход. Вы подтолкнули Арани Галдес — бывшего генерального директора «Валемии» — к самоубийству.

Он и бровью не повёл:

— Никто не может обвинить меня в её смерти.

— Я могу, — ответила Мели.

— А! — Агостино слегка склонил голову. — Так это личное. Сканирование сетчатки глаз не выявило связей с Галдесами. Вы не потомок. Зачем принимать самоубийство так близко к сердцу? Она была вашей любовницей?

— Кузиной.

Его брови поползли вверх.

— Изгнанница.

Он произнес это слово с такой интонацией, с которой кто-то другой мог бы пробормотать «проклята» или «прокажена». Прошло двенадцать лет, но упоминание об этом по-прежнему вызывало боль. Для потомка семья значит всё. Нет ничего хуже, чем стать изгоем, вычеркнутым из рода.

— Конечно! — Агостино щелкнул пальцами. — Семья отказалась от вас, чтобы вы могли творить злодеяния в их интересах, при этом никакие ваши действия не могут быть связаны с именем Галдес. У вас до сих пор остались тёплые чувства к кузине. Мои извинения. Я не стремился к её смерти.

Его жестикуляция стала оживлённой. Мели почти видела, как крутятся шестерёнки у него в голове. Судья Канопус решил, что нашел трещину в её броне. Мели вздохнула.

— Ваша жертва заслуживает восхищения, но я могу предложить намного больше. Родители и родственники вышвырнули вас. Разве это семья? Неужели вы не хотите отомстить?

— Я сама выбрала этот путь.

Он ошеломлённо уставился на неё:

— Вы сами?.. Но почему?

Из кармана делового костюма она достала тонкий листок пласти-бумаги с изображением смеющейся темноволосой девушки в венке из цветов. Мели подтолкнула кусочек пластика по поверхности стола к Агостино.

— Что это?

— Моя кузина Арани. Я хотела, чтобы вы увидели её лицо перед смертью.

— Подумайте ещё раз!

— Это мое последнее убийство, — оповестила она его. — После него я уйду на покой.

Лицо судьи превратилось в жесткую маску:

— За дверью шесть охранников, не считая автоматической системы защиты. Даже если убьёте меня, то ни за что не выйдете отсюда живой.

Мели широко улыбнулась ему и эне-лента вылетела у неё из запястья. Она все ещё улыбалась, когда верхняя половина черепа Агостино соскользнула на пол.

В любое время дня и ночи, и в любых обстоятельствах, Энджел всегда выглядел превосходно. Элегантный, в сшитом по фигуре камзоле темно-рыжего цвета, с точеными чертами лица и врожденной горделивой осанкой — другим требовались годы тренировок, чтобы достичь подобной — он олицетворял собой самую сущность понятия «потомок»: светло-каштановые с медными прядками волосы; живое и привлекательное лицо; темные, как и у Мели, глаза. Он улыбнулся с экрана — и будто солнышко взошло. К счастью, она уже давно выработала иммунитет к шарму Энджела — в конце концов, знала его с пелёнок.

— Больше никакой работы, — сказала она ему. — Я удалилась от дел.

Два месяца прошло с того дня, как на мраморном полу своего кабинета умер Агостино Канопус. Ей нравились покой и чувство свободы, которые принесла отставка. Никакой больше работы. Никаких смертей.

Брат на экране подался вперёд.

— Это личная просьба отца, Мели.

Она закрыла глаза. Энджел прервал её утреннюю тренировку, и, раз его звонок не относился к разряду чрезвычайных, не было причин откладывать упражнения и дальше. Вокруг неё в свете раннего утра тишина и спокойствие окутали маленький домик. Лёгкий лимонный аромат бругмансии проникал сквозь сетку на открытой двери. До Мели доносился слабый шум: журчание воды в трубах, жужжание парочки пчел в маленьком саду справа, едва слышимый звук системы климат-контроля, втягивающей воздух...

— Пожалуйста, окажи ему эту услугу.

— Я больше не работаю, Энджел, — тихо ответила она. — Мы уже это обсуждали. У семьи нет никакого права просить меня о чем-либо.

— Отец знает. Поверь мне, он не стал бы обращаться к тебе, если бы не крайние обстоятельства.

Она ничего не ответила. Энджел, хоть и обладал некоторыми дипломатическими навыками, страдал недугом всех красноречивых мужчин: столкнувшись с молчанием, он чувствовал себя обязанным заполнять паузу, даже если в его интересах было держать рот на замке.

Медленно тянулись минуты. Энджел прочистил горло:

— Акционерная компания «Рабан» опустила цены на концентраторы ниже пятнадцати тысяч стандартных долларов. Это просчитанное действие, нацеленное на устранение конкурентов. Концентраторы — по-прежнему главный источник нашего дохода. Мы не можем продавать их ещё дешевле, не в состоянии даже сравнять цену. Прибыль будет слишком мала, чтобы Галдесы смогли удержаться на плаву. «Рабан» справится с потерями, а у нас нет на это резервов. Наша семья невелика. Мы обанкротимся. И ты знаешь, что становится с семьями-банкротами.

Без денег семья не сможет платить воинам. Конкуренция в Новых Дельфах слишком остра — без солдат Галдесы долго не протянут. Двадцать одно семейство потомков официально считает город своим домом. Метрополия, как пирог, поделена между ними на кусочки как в экономическом, так и в географическом смысле. Кусочек, принадлежащий родне Мели, довольно мал, но их воины известны своим мастерством и верностью. Их боевая доблесть — вот что держало семью на плаву до сих пор.

— Пожалуйста, Мели. Ты по-прежнему Галдес. Даже удалившись от дел.

Откуда взялось чувство вины? Она им ничего не должна. Двенадцать лет она убивала для них. А сейчас просто хотела свободы. Свободы и одиночества. И отец в курсе. Во время их последней беседы Мели совершенно ясно заявила об этом.

Все члены семьи прекрасно знают, что она не нарушает свои правила. Они усвоили это, когда попытались заставить Мели совершить убийство без достаточно веской причины. Работа, и правда, должна быть совершенно особенной, настолько, что она не сможет отказаться.

Любопытство взяло верх:

— Кто мишень?

— Это значит «да»?

Мели тихо вздохнула.

— Мишень, Энджел.

Она подозревала, что предполагаемая жертва как-то связана с компанией «Рабан», но Мели отреклась от семьи много лет назад. Деловые связи Галдесов стали для неё загадкой. Имени владельца «Рабан» она не знала.

До неё донеслись тихие щелчки, когда брат по другую сторону экрана застучал по клавиатуре.

Слабое подергивание на границе сознания слева. Не слыша и не видя ничего, она ощутила его каким-то врождённым шестым чувством, а может — неуловимой комбинацией остальных пяти.

Мели нанесла удар.

Глаза оставались закрытыми, но в сознании она ясно видела полупрозрачную зеленую ленту, выскользнувшую из браслета на руке. Мели почувствовала — эне-лента проглатывала мишень. Запахло жженой электроникой.

— Боже мой, — произнес Энджел.

Она открыла глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как рухнул на пол дымящейся грудой хлама дискообразный, похожий на ската, перехватчик. Бесшумный, оборудованный малокалиберной артиллерией, робот-перехватчик давно стал излюбленным средством обеспечения безопасности. Уровень чувствительности его сенсорной системы гарантировал быстрое выявление нарушителей, а абсолютно бесшумный полёт не позволял обнаружить робота раньше, чем его снаряд настигал незваного гостя в шею сзади. Мели взяла за правило разделяться хотя бы с одним перехватчиком в месяц, для снятия напряжения и практики в нанесении ударов по движущимся мишеням. Помогало поддерживать форму.

— Никогда не мог смотреть на это без содрогания, — сказал Энджел. — Вот файл.

В углу экрана загорелась маленькая иконка — загруженный файл доступен для просмотра. Брат замешкался.

— Думаю, тебе может это понравиться. Так сказать, восторжествует высшая справедливость. Пожалуйста, не отказывайся, не подумав, Мели. Ради меня.

Энджел прикоснулся кончиками пальцев к губам, а затем прижал их ко лбу и склонил голову. Дисплей стал серым, оповещая о завершении сеанса связи.

Мели вздохнула.

— Открыть файл.

Иконка, изображающая желто-коричневую бумажную папку, растянулась на весь экран. Папка открылась. С экрана на Мели смотрел мужчина. Леденящий холод возник в основании

шеи и скользнул вниз по позвоночнику. Селино Карванна.

* * *

Два часа спустя Мели сидела в саду. Вокруг, ослепляя разнообразием оттенков, цвели георгины. Нежно-розовый «Аделаида Фонтэн», белый игольчатый «Аспен», буйство оранжевого и красного — «Боудейшес» и её любимые — «Арабская ночь» — с заостренными лепестками глубокого бордового цвета.

За маленьким участком пролежала узкая улочка, типичная для Старого города, где проезды были тесными, дома — старыми, цены на недвижимость — низкими, а некоторые жители все ещё разводили сады. За улочкой начиналась аэрострада. Подойдя к ограде, можно увидеть непрерывный поток глайдеров, скользящих по воздуху. Повернув на аэростраде налево, окажешься в центре делового района Новых Дельф. Поворот направл приводит к Террасам, где располагались туристические магазинчики и кафе, рассчитанные на богачей, ищущих атмосферы древней планеты и раскинувшихся вокруг провинций.

Новые Дельфы были центром юга, технологическим и экономическим сердцем субконтинента. Здесь вели свои битвы семьи потомков, поделившие город на зоны влияния. Но те, кто вырос в провинциях, окружающих Дельфы, никогда не забывали о своей настоящей родине.

Мели купила дом ради сада и заполнила его георгинами, разбавив их для благоухания несколькими бругмансиями и двумя деревьями шелковых розовых акаций. Садик стал для неё ярким, приносящим радость раем, маленьким торжеством жизни и цвета, свидетельством её человечности. Доказательством того, что его хозяйка может давать жизнь, а не только отнимать её.

На коленях у Мели лежал ноутбук с загруженным и уже прочитанным файлом. Текст она запомнила наизусть. Пальцы касались распечатанной чуть раньше глянцевой фотографии Селино.

Мели убрала руку и опустила взгляд на божество своего отрочества. Он изменился не так сильно, как она ожидала. Годы беспощадно отточили и заострили его черты. Искусно вырезанная квадратная челюсть. Твердо очерченный нос с небольшой горбинкой. Скулы стали заметнее, щеки чуть впали, лицо казалось более выразительным. Густые черные брови и упрямая линия рта с узкими губами придавали ему мрачный, пугающий вид. Однако не просто суровым, а откровенно опасным делали Селино глаза.

Тёмно-серые, цвета лучшей оружейной стали, пронизательные глаза свидетельствовали о властности и интеллекте, остром, как смертоносный кинжал. Они совершенно не отражали эмоций. Не позволяли увидеть даже мимолетный проблеск внутреннего состояния. Мели отчетливо помнила, как всматривалась в их глубины, стараясь понять, что Селино к ней чувствовал — если он вообще что-то чувствовал — но все время натыкалась на непроницаемую тёмную стену.

Каждый раз, видя эти глаза, Мели ощущала резкий прилив адреналина.

Она заставила себя снова взглянуть на фотографию, пытаясь не обращать внимания на ускоренное, как у подростка, сердцебиение. Этот трепет, слабая боль в груди, озноб — это всего лишь горькие воспоминания глупой маленькой девочки, почти ребёнка. Её девичьи безрассудные надежды и мечты давно превратились в пыль.

Мели должна относиться к нему так, как всегда относилась к намеченным жертвам.

В памяти возник образ молодого Селино на вечеринке: красивого, высокого, с ленивой самоуверенной улыбкой. Он стоял на веранде с коротким клинком в руке и предлагал гостям закидать себя пластиковыми банками из-под напитков. Ему тогда едва исполнилось семнадцать. И он потрясающе выглядел на фоне клумб из цветов, в честь которых и была названа провинция Далия. Когда залп разноцветных банок обрушился на него, Селино рассек их клинком. Движения его казались размытыми. В конце концов, он остался совершенно сухим, тогда как плитка вокруг него — вся залита.

Семейство Карванна было известно своим великолепным — даже для потомков — умением владеть ножом.

Мужчина, взирающий на Мели с фотографии, не стал бы так выделяться. Закалённый пятнадцатилетним участием в борьбе, идущей между семьями потомков, он бы наблюдал, вычисляя в уме вероятность успеха. Пока не подвернулся бы удобный случай. И тогда Карванна стремительно ухватился бы за свой шанс и извлёк бы из ситуации всю возможную выгоду. Известно о четырёх безрезультатных покушениях на Селино, и, вероятно, ещё дюжина или даже больше остались тайной.

Она несколько раз легко прикоснулась к экрану ноутбука, вызывая запись единственного попавшего на видео покушения. Мели уже дважды её посмотрела.

Премьера «Жиголо». Ярko освещенная улица. Красная ковровая дорожка простирается вглубь театра «Миранда». Из толпы поклонников доносятся восхищенные крики в адрес звёзд и их сопровождающих.

На огражденную площадку приземлился сверкающий глайдер, по форме напоминающий пулю. Люк поднялся, из нижней части выехал металлический трап, обеспечивая пассажирам комфортный спуск. Вышел Селино. Высокий, стройный и ошеломляюще мужественный в традиционном черном камзоле семьи Карванна, плотно облегающем его широкие плечи. Юноша её детства возмужал, и это пошло на пользу его внешнему виду. «Даже слишком на пользу», — подумала Мели.

Селино слегка наклонился, протянул руку и тут же изящные пальчики накрыли его ладонь. Из глайдера появилась женщина, одетая в блестящее серебряное сари. Ещё чуть-чуть — и её наряд можно было бы назвать вульгарным. Благодаря тонким шпилькам она казалась всего лишь сантиметров на пять ниже Селино: метр девяносто против его метра девяносто пяти. Копна светлых волос струилась по спине женщины и доходила почти до колен.

Селино повёл блондинку по ковровой дорожке. Они казались идеальной парой: её чарующее сияние контрастировало с его задумчивой мрачностью. Боль иглой пронзила грудь Мели. «Старые мечты», — напомнила она себе.

Атаку она почувствовала на мгновение раньше, чем увидела. Селино дернул головой: из толпы справа на него бросились четверо. Установленный службой безопасности театра магнитные разрушители не позволяли использовать огнестрельное оружие, поэтому нападающие выбрали тёмно-красные мономолекулярные клинки.

Селино толкнул спутницу назад, за спину, и бросился в бой. Он двигался невероятно быстро, его изображение на записи казалось размытым пятном. Мели постучала по дисплею, снизив на четверть скорость воспроизведения. Карванна держал в руке простой металлический кинжал, которым рассек горло первого нападающего, оставив у него на шее ярко-красную вертикальную рану. Прекрасная работа. Такой удар позволил сделать длинный надрез на сонной артерии, не сбавляя скорости. Попасть в цель в этом случае чрезвычайно

сложно — все равно, что вспороть вдоль скользкую, колеблющуюся на ветру трубочку от капельницы. Мели думала, что сила и ловкость Селино были выше среднего, но, похоже, он обладал ещё и сверхбыстрыми рефлексами. Или имплантатом, увеличивающим меткость. А может, и тем и другим.

Следующий взмах кинжала рассёк подмышечную вену второго атакующего, попутно пронзив почку третьего. На это движение Селино потратил на четверть секунды больше, чем рассчитывал. Было видно, как он сменил тактику на середине движения, с силой ударив четвертого противника ногой в шею. Перемотав на полсекунды назад, Мели уменьшила скорость до половины и пересмотрела эпизод, когда черный ботинок Селино коснулся горла другого мужчины. Не было слышно характерного хруста, но Мели видела, как в области шеи позвоночник последнего из нападавших резко сместился — удар сломал его.

Мели захлопнула ноутбук. Нет никаких сомнений — в случае прямого физического противостояния Селино её убьет. Она была невысокой, на голову ниже Селино. Он также превосходил её в весе килограммов на сорок чистой мышечной массы, и, в отличие от Мели, обладал усиленными способностями. Исходя из того, что она увидела на записи, очень немногие смогли бы одолеть его в бою. Кроме того, Селино повсюду сопровождали телохранители. И Маркус. Ни в коем случае нельзя забывать о Маркусе. Иммигрант с древней планеты во втором поколении, он плохо подходил для традиционных методов усиления способностей. Вместо этого во имя службы он сотворил со своим телом ужасные вещи. Настоящий человек-яд, он убивал одним прикосновением. Несколько лет назад Карванна спас его и Маркус был предан Селино, как верный пес.

Чтобы убить Селино Карванна, Мели пришлось бы подобраться очень близко и изолировать его от охранников.

Папа прав. Никто из Галдесов или их людей не смог бы устранить Селино. По сути, она — единственный житель Новых Дельф, способный добраться до него, а население города исчисляется миллионами.

Отец мудро предположил, что она возьмётся за это дело, если не ради семьи, то ради того, чтобы перевернуть последнюю страницу в истории своей несчастной любви. Он считает, что Мели ненавидит Селино из-за того, что тот унизил всё семейство Галдес, а также разрушил её жизнь и лишил будущего. Конечно же, она просто обязана ненавидеть этого мужчину.

Мели вспомнила информацию из досье. Селино курировал ряд проектов рода Карванна, включая компанию «Рабан» и строительную фирму «Санлайт». Он был полон энергии и не знал покоя. Вывел свою семью на ведущие позиции. Благодаря ему они владели миллионами. По сути, он и олицетворял собой фамилию Карванна. Его смерть повергла бы их в хаос и обесценила бы принадлежащие им акции.

Энджел — за астрономическую сумму, без сомнения — умудрился заполучить расписание Селино на следующие две недели, в ходе которых он должен будет проинспектировать новое строительство на юге. Следовательно, Карванну ждёт шквал совещаний и деловых ужинов. И если в нём осталось хоть что-то от юноши, которого знала Мели, то он эту кутерьму от всей души возненавидит. Слишком уж деятелен и умен. Года, возможно, и научили его проявлять терпение в общении с менее сообразительными людьми, но вряд ли он знает, как в такой ситуации избежать скуки.

Мели изучила его последние строительные проекты. Он возводил красивые, полные света, утопающие в цветах здания, где современные технологии органично сочетались с

провинциальной простотой. Мели улыбнулась. Можно увезти человека из провинции, но из его сердца провинцию не вытравить. Селино постарается под любым предлогом избегать утомительных формальностей, и это значит, что, скорее всего, он остановится в своём загородном доме на Террасах, а обедать будет в каком-нибудь кафе внизу.

Иногда месть хорошо подавать с пылу, с жару.

* * *

Селино шагал по мостовой Красной Террасы — одной из семи дугообразных полуторакилометровых платформ, пристроенных к огромной скале и соединенных между собой множеством туннелей из пластика и металла. Выступая почти на двести метров, Террасы крепились к склону одна под другой, каждая вмещала множество магазинчиков и кафе. Самая нижняя платформа располагалась примерно на километровой высоте от подножия скалы, а Красная — ещё на три яруса выше. Сколько это будет в метрах, Карванна точно не знал, но открывающийся вид производил впечатление.

Жителям Новых Дельф к высоте не привыкать, но, остановившись у перил из искусственного дерева, Селино на мгновение был ошеломлен величием открывшегося пейзажа. Далеко внизу простиралась огромная равнина, за ней виднелись голубые горы, казавшиеся на таком расстоянии волшебными.

Селино двинулся дальше, зная, что Маркус незаметной тенью следует за ним в нескольких шагах. Два других охранника — Ромулд и Вен — шли позади Маркуса.

Ветерок принёс удивительно знакомый аромат. Карванна остановился. Его окутало манящее благоухание свежих слоев и запечённой сладкой малины — единственного сорта ягод с древней планеты, произрастающего в южных провинциях. Селино вдруг почувствовал себя пятилетним малышом, который стянул с блюда свежий рожок и тихо съел пирожное под столом, взволнованный собственной дерзостью.

— В чём дело? — тихо спросил Маркус.

— Пахнет сладкими рожками.

Селино пошёл быстрее. Следуя за ароматом, он достиг маленького кафе с красным козырьком. Надпись на вывеске гласила: «Далийские лакомства». Карванна редко посещал незнакомые места. Зачем напрашиваться на засаду?

Он посмотрел на Вена, стоявшего за Маркусом:

— Порцию сладких рожков.

Телохранитель скрылся в закуской.

Селино пожал плечами. Забавные трюки вытворяет иногда память — благодаря одному лишь запаху, он почти ощущал вкус пирожных.

Вен вернулся с пустыми руками:

— Хозяин сказал, что рожки не его, и он не может их продать, — отрапортовал телохранитель в ответ на недоумённый взгляд Селино. — Я предложил назвать любую цену, но он отказался.

Сердито хмыкнув, Карванна направился в закускую. Он хочет эти проклятые пирожные — и он их получит!

Внутри кафе было маленьким: всего-то прилавков да шесть столиков. Пол «под дерево», классическая далийская мебель: старая, но крепкая — века прослужит. Заняты оказались

только два столика; сидевшие за ними устали на Селино, как испуганные кролики.

Вошедший за боссом Ромул активизировал сканер-монокль на левом глазу. Комнату ненадолго окутал зелёный свет, Ромул ничего не сказал. Всё чисто.

Нервно вытирая руки полотенцем, к Селино поспешно приблизился пожилой мужчина:
— Господин?

— Сладкие рожки, — произнёс Селино.

Хозяин кафе скомкал полотенце:

— Понимаете, дела идут не очень бойко. Будни, да и не сезон.

Селино нахмурился.

Мужчина начал заикаться:

— Женщина. Она изредка арендует мои старые железные печи. Они у меня как раньше в провинции делали. Госпожа хорошо платит. Это она печет рожки. Поэтому я и не могу продать их. Я спрашивал.

Путешествие по реке памяти неожиданно стало приключением.

— Ладно, тогда я сам спрошу.

Хозяин кивнул и указал на дверь в глубине зала:

— Сюда, господин.

Селино пересек помещение, прошел, пригнувшись, в низкий дверной проём и очутился в просторной кухне, пропитанной дразнящими запахами свежей выпечки.

За большим столом в ореоле золотого света, льющегося из окна, сидела женщина в бордовом сарафане. Её тёмные волосы, собранные в толстую косу, отсвечивали на солнце медью. В руках незнакомка держала ридер.

Она подняла на Селино почти черные, походившие на бездонные озера, глаза. Её лицо было покрыто превосходным золотистым загаром. Карванна изумленно уставился на неё.

Волна зелёного света от сканера Ромула заставила женщину моргнуть. Она вопросительно подняла брови.

— Мне сказали, что вы испекли рожки, — произнес Селино.

— Строго говоря, всё ещё пеку. — Её голос звучал чувственно и уверенно. Казалось, собеседницу совсем не задела его неприветливость. Женщина проверила часы на электронной книге. — Осталось тридцать секунд.

— Я бы хотел их купить.

— Вы из Далии?

— А какая разница?

Незнакомка встала. Она оказалась ниже Селино — где-то метр шестьдесят пять. Сверху легкое платье обтягивало все изгибы её тела, подчёркивая пышную грудь и тонкую талию. Широкая юбка скрывала бедра, но, если судить по всему остальному, то они должны быть округлыми и весьма аппетитными. Женщина схватила жаронепроницаемое полотенце, открыла тяжелую печную заслонку и вытащила противень идеальных, запеченных до золотисто-коричневого цвета рожков.

— Любой далиец знает, что эти рожки надо печь с любовью и отдавать по доброй воле. Матери готовят их детям, жены — мужьям, молодые девушки — возлюбленным. Продавать такие пирожные — к несчастью.

Она поставила противень на каменную столешницу и щипцами переложила выпечку в небольшую корзиночку, устланную тканью. Селино нравилось, как двигалась женщина: легко, грациозно, плавно.

— Это всё старые предрассудки.

— Зато они делают жизнь интересней.

Она взяла корзинку и перенесла её на стол. Селино снова не смог оторвать глаз от блюстительницы традиций, залюбовавшись её фигурой и бездонными глазами.

— Сколько? — задал он вопрос, не уверенный, спрашивает ли о цене рожков или о том, как дорого ему обойдётся возможность заполучить её соблазнительное тело в своё распоряжение.

— Не продаётся. — Хитринки танцевали в тёмных глазах незнакомки.

«Рожки или ты», — засомневался он. Её глаза ответили: «И то, и другое».

Он сменил тактику:

— По той же традиции, оставить гостя голодным — к беде. Особенно того, кто пришел во время обеда.

Она тихо рассмеялась:

— Значит, всё-таки вы далиец. Давайте договоримся так. Я поделюсь пирожными. Но с ними принято подавать розовое вино, а у меня его нет. Если вы...

Он подал знак рукой, и звук быстрых шагов оповестил об уходе Вена.

— У вас диктаторские замашки, — весело произнесла она.

Селино выдвинул стул и сел за стол напротив неё:

— Это сэкономит нам время. — Он взглянул на ридер. «Хроника царствования Карла IX». — Проспер Мериме?

— Он самый.

Селино не подозревал, что кто-то ещё, кроме него, читает давно забытого автора древней планеты:

— Истории о жестоких временах, когда мужчины были мужчинами, а женщины...

— Дивной красоты бронзовыми статуями Венеры, крушившими мужчин в смертельных объятиях?

Селино нахмурился. Она знакома не только с романами Мериме, но и с его рассказами.

— Боюсь, что Колумба мне нравится больше Кармен, — произнесла собеседница. — Так что, если хотите обсудить оперу, то вам не повезло.

Он не любил оперу, считал её кричащей и вульгарной.

Вошёл Вен и поставил на стол бутылку розового далийского вина, включив на ней охладитель. Изящное кружево изморози покрыло стекло.

— Нам нужны кружки, — пробормотала незнакомка. — Асканий! Тебя не затруднит одолжить мне парочку кружек?

Кружки. Как... по-провинциальному. Селино спрятал улыбку.

Хозяин кафе забежал в комнату, оставил на столе две тяжелые чистые кружки и снова испарился.

Карванна вытащил пробку и разлил насыщенный розовый напиток по кружкам. Женщина попробовала. Её глаза широко распахнулись:

— Вишнёвое!

— Оно самое.

— Если бы знала, что вы заплатите за рожки таким роскошным вином, тут же бы на всё согласилась!

Это восклицание спровоцировало у Селино видение, в котором собеседница оказалась лежащей обнаженной на кровати. Удивительно. Давно уже женщины не вызывали у него

подобной реакции. А эта даже не была красавицей. И вроде бы не обладала той утонченной элегантностью, что обычно его привлекала.

Откуда появилась незнакомка? И чем она занимается? Кроме того, что печёт сладкие рожки.

Селино вытащил кинжал из ножен на ремне и протянул его ей рукоятку вперед:

— Помнится, обычай велит разделить первое пирожное.

Женщина спокойно приняла нож, плотно обхватила, не думая о том, что на рукоятке останутся отпечатки, и разрежала рожок пополам. Кем бы ни была незнакомка, искусство владения клинком не входило в число её талантов. Она орудовала им как повариха.

Нечаянная сотрапезница вернула оружие Селино и подтолкнула ему половинку лакомства:

— Благоденствия вам.

— Да сопутствует вам успех. — Вырвался у него непроизвольный ответ на старомодное пожелание.

Она принялась за рожок. Селино тоже откусил чуть-чуть и подождал три секунды, пока закончится диагностика. Имплантат не подал сигнала тревоги — яда нет. Карванна снова откусил от пирожного, на это раз наслаждаясь вкусом. Чистое блаженство. Не слишком кисло и не слишком сладко. Совершенно. Время от времени Селино заказывал сладкие рожки в лучших пекарнях Новых Дельф, но им было далеко до этих.

Жуя, он наткнулся на твёрдую частичку:

— Лимонная цедра? — недоверчиво спросил Селино. Он думал, что только его мама добавляет лимонную кожуру в рожки.

— Раскрыли мой секрет. — Быстрым движением розового язычка сотрапезница слизала начинку с нижней губы. Карванна задумался о том, будет ли рот женщины на вкус как рожки и розовое вино.

— Поделимся с вашими сопровождающими?

— Нет, — ответил Селино.

— Они на службе?

Он кивнул и с жадностью принялся за следующее пирожное.

Карванна успел расправиться с тремя рожками прежде, чем Маркус склонился к нему. До встречи с землевладельцами осталось меньше двадцати минут. Времени едва хватит, чтобы дойти до конференц-зала в отеле.

Селино не желал уходить. Он хотел остаться на солнечной кухне в компании загадочной незнакомки, пить вино, есть рожки и представлять её в своей постели.

— Ох, вам пора бежать, — догадалась женщина.

— Да. — Он поднялся. — Спасибо, рожки были восхитительны.

Она протянула корзинку:

— Берите.

Он колебался.

Женщина встала и вложила корзинку ему в руки:

— Вы оставляете мне вино. Всё по-честному.

На улице он несколько раз моргнул от солнечного света, достал нож и протянул его Ромулду:

— Выясни, кто она.

Мели в одиночестве сидела на кухне. Снова наполнила свою кружку великолепным вином. Напиток имел изысканный букет и восхитительное, гармоничное послевкусие.

В глубине души Мели немного надеялась, что Селино узнает её. Напрасно. Вот оказывается, как мало она значила для него, всего лишь крупинка забытого прошлого.

Она отпила вина.

Всё началось с вуали.

Мели хорошо помнила, как мама надела на неё прозрачную сине-фиолетовую вуаль, завязав тесёмки под скрученными узлом волосами. Покров оставлял неприкрытыми только глаза. Черты лица в зеркале были различимы, но оно казалось разделённым на две половины. С загорелой верхней смотрели знакомые глаза, а вот нижняя, под полупрозрачной тканью, будто принадлежала кому-то другому.

— Зачем это? — спросила Мели.

Мама присела на кровать:

— Ты обручена. Так все будут это знать.

Ошеломляющая новость никак не укладывалась в голове:

— Но мне всего лишь десять.

Мать вздохнула:

— Я была против. Думаю, мы совершаем большую ошибку, и она нам всем ещё аукнется, но на семейном совете я оказалась в меньшинстве.

Даже в десять лет Мели знала, что решение семейного совета — это закон.

— Кто станет моим мужем?

Мама щелкнула пальцами. Зажёгся дисплей, встроенный в зеркало.

— Помолвка, — коротко произнесла она. На экране появился файл, затем он открылся, и изображение Селино Карванна заполнило дисплей.

— Он слишком старый!

— Не драматизируй. Ему шестнадцать. Через восемь лет, когда вы поженитесь, тебе будет восемнадцать, а ему — двадцать четыре. Видишь, разница уже не выглядит такой уж огромной. А когда тебе исполнится двадцать два, а ему — двадцать восемь, ты перестанешь её замечать.

Мели пристально всматривалась в лицо Селино. Красив. Она несколько раз видела его на неформальных приёмах в саду, но он не знал о её существовании:

— Он никогда не обращал на меня внимания.

— Милая, тебе десять. Поверь мне, если бы существовал хоть малейший намек, что он сейчас в этом смысле интересуется тобой, семье пришлось бы убить и меня и твоего отца, чтобы эта помолвка состоялась. Он всего лишь подросток. И сейчас женщина для него — это груди и округлый зад.

Мама взяла Мели за руки.

— Ты ещё не женщина, но однажды ей станешь. Тебе не быть ослепительной красавицей, но ты вырастешь привлекательной, мужчины будут тянуться к тебе. Я, тётя Нэз, бабушка — во всех нас есть что-то такое, что заставляет противоположный пол оглядываться нам вслед и пускаться во все тяжкие, лишь бы заманить к себе в постель. Не волнуйся, любимая. Когда-нибудь он заметит тебя, и это будет похоже на удар обухом по голове.

От вуали свербел подбородок, и Мели почесала его:

— Почему я должна это делать?

— Потому что наши семьи заключили соглашение. Поодиночке Галдесы и Карванна

слишком малы, чтобы хоть как-то влиять на происходящее в Новых Дельфах, но вместе мы — сила. Наша территория удвоится. Мы будем делиться технологиями и оборудованием друг с другом. Ваша с Селино помолвка скрепила союз, как герметик связывает между собой отсеки космического корабля.

— А если я не хочу?

Мама обняла её. Они сидели рядышком и смотрели на Селино.

— Мне все равно придётся, да?

— Да.

— А если я ему не понравлюсь? — тихо спросила Мели.

Мать ненадолго замолчала.

— Буду с тобой откровенна. Скорее всего, ты ему не понравишься. И дело совсем не в тебе самой. Как я уже говорила, он всего лишь юноша, который старается найти своё место в жизни, добиться признания. До помолвки он был свободен, и в некоторой — пусть небольшой — степени независим от семьи. Свой глайдер. Свой угол. Селино мог сам выбирать себе и женщин и судьбу. Обручив вас, советы наших семей отняли у него это, ограничили его возможности. Он одаренный, стремящийся к независимости мальчик, и он будет очень недоволен таким развитием событий. Мы с тобой ничего не можем с этим поделать. Поэтому я и была против вашего обручения. Я не хочу, чтобы ты вышла замуж за мужчину, который станет считать тебя обузой.

Мама погладила Мели по волосам:

— Но не все ещё пропало, моя любимочка. В наших силах изменить его точку зрения. Мы должны заставить Селино относиться к тебе не как бремени на шее, а как к союзнику, который в любой ситуации примет его сторону. Того, кто всегда поймёт, выслушает, будет разговаривать с ним на одном языке, станет тихой гаванью в бурном море жизни. У вас уже есть много общего и до того, как вы поженитесь, пройдёт восемь лет. Достаточно времени, чтобы узнать Селино со всех сторон.

И Мели начала изучать его. Выяснила рецепты любимых блюд и готовила их до тех пор, пока не достигла совершенства. Она читала и анализировала те же книги, что и он, хотя их впечатления не всегда совпадали. Селино интересовался предпринимательством — она стала брать частные уроки у кандидата наук из Новодельфийской Деловой Академии. Запомнила родословные Карванна и Галдес, а также какими имплантатами обладали члены семей, и как часто у них рождались одарённые дети. Узнала, каким одеколоном пользуется Селино, какие цвета предпочитает, какие голографические фильмы цитирует. Временами она злилась и даже ненавидела его, но в душе понимала, что это защитная реакция, направленная против нежеланной ими обоими помолвки. Однако с годами сильнее становились и другие чувства: Мели всё больше ценила его неординарность, ум, проницательность, хватку. Видя, как он расправлялся с соперниками на всех фронтах, восхищалась его целеустремлённостью. А проснувшаяся в Мели женщина не могла не заметить, насколько он хорош собой.

Почти сразу после обручения Селино покинул провинцию, но перед его отъездом им устроили встречу и на несколько минут оставили одних на балконе. Он впечатляюще выглядел в черном — цвете семьи Карванна. Мели же была обыкновенной худенькой девчонкой, и половину её лица скрывала вуаль.

— Я сожалею, — сказал он.

— Я тоже, — пробормотала Мели.

— Хочу, чтобы ты знала: не я это придумал. Я не извращенец.

И он ушел, оставив её размышлять над этими словами в одиночестве.

В Новых Дельфах Селино оказался в своей стихии. Мели часто получала сообщения с его выдающихся деловых достижений. Он был гением, но и у него существовали недостатки: нетерпеливость, нечувствительность, неспособность притормозить. Мели отмечала все его слабости, зная, что ей придётся уравнивать их.

Однажды вечером на оружейном складе она взяла в руки браслет для управления эне-лентой и обнаружила, что является мелдером — обладает способностью вызывать энергетическую ленту и управлять ею. Чрезвычайно редкий талант. Шансы на его появление в роду Галдес равнялись одному к двум миллионам. Мели отправили к мелдер-наставнику в город, хоть обучение и влетело семье в копеечку. Отец настоял на том, чтобы скрыть этот факт ото всех Карванна, и от Селино в частности. Мели полагала, что папа уже тогда начал сомневаться в благонадёжности будущего зятя.

К двадцати годам Селино удвоил ликвидный капитал семейства Карванна. Мели изредка встречалась с наречённым, когда он навещал фамильное поместье. Он избегал её, всё их общение сводилось к обмену несколькими фразами. Едва ли это можно было назвать беседой. Чем старше становилась Мели, тем больше она путалась в словах в присутствии жениха, ошеломленная головокружительным осознанием того, что однажды Селино будет принадлежать ей. Он никогда не замечал её чувств. Вел себя вежливо, но она перестала ждать от него душевного тепла. Оно предназначалось не ей.

Мели предстояло изменить это. Она знала, что сможет.

Затем, в июне, почти через шесть лет после обручения, пришло сокрушительное известие — Карванна отказываются от давнего соглашения и прекращают всякое сотрудничество с Галдесами. Помолвка разорвана. Клятвы на крови перечеркнуты. Семья Селино отказалась иметь что-либо общее с бывшими союзниками, и сделано это было по его настоянию.

Около минуты понадобилось Мели, чтобы в полной мере осознать последствия бедствия, после чего она соскользнула на пол, её била дрожь отчаяния. Почти пять часов Мели набиралась мужества для встречи с Селино. У них больше не было совместного будущего, но своё собственное она ещё может спасти, если будет действовать незамедлительно, до того, как Карвана окажется вне зоны её досягаемости.

Мели заставила себя забыть о разбитом сердце и надела черное платье. Она пришла одна, без оружия и в вуали. Слуги Селино пропустили его бывшую невесту. Один из воинов проводил её в здание на холме. Огромное блочное строение около столетия являлось залом для тренировок потомков из рода Карванна. Провожатый остался снаружи, а она вошла и остановилась у линии на полу, которая очерчивала пространство, предназначенное для сражений.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Селино упражнялся в центре зала с ножом: босой, в тёмных широких тренировочных штанах и с обнажённым торсом. Свет внутри не горел, окна были закрыты ставнями, и лишь тонкие закатные лучики проникали внутрь, рисуя на полу решетку из света и тени. Карванна, как хищный кот, быстро, бесшумно и уверенно скользил по залу. В его руке, пронзая невидимого противника, сверкал клинок.

Несколько мгновений Мели наблюдала за Селино, затем пресекла черту и встала у него на пути. Напоминая древнего воина-монаха, окруженный сверкающими отблесками света на

ноже, Карванна двигался в её сторону, не переставая наносить удары. Казалось, он не сможет остановиться, но Мели знала, что это не так, и осталась на месте. Клинок замер на расстоянии пары сантиметров от её горла.

Селино холодно посмотрел на неё:

— Зря тратишь время.

— Хочу убедить тебя жениться на мне.

Он вздохнул, покрытая потом грудь поднялась.

— Знаю. В случившемся нет твоей вины. Как и моей. Они сковали меня этой помолвкой, а я не могу жить в цепях. Шесть лет я работал как проклятый, занимался только бизнесом и ничем другим. Я даже и не думал о развлечениях, которыми следовало бы наслаждаться молодому парню. И всё это ради того, что бы стать свободным. Неделю назад мой взнос в семейную копилку превысил доход от альянса с Галдесами.

— И ты поставил ультиматум: свобода или отречение.

— По сути, да. Я пообещал им процветание, если они пойдут навстречу моим желаниям. Если же нет — пригрозил отречься от рода. Это бизнес. Я перебил ставку твоей семьи. Для своей родни я стою дороже, чем старое соглашение.

— Я понимаю твоё стремление к свободе, но пойми и ты меня. Женившись, ты...

Он взмахнул рукой:

— У тебя вообще есть гордость? Я столько лет работал, чтобы избавиться от этой помолвки. Ты и правда считаешь, что мольбы смогут изменить моё решение? Если бы ты была красива, тогда, возможно, я бы и подумал минуту-другую, но я видел тебя без вуали и знаю, что это не так. Но даже будь ты самым совершенством, самой изысканной и утонченной женщиной на планете, я бы всё равно не связал бы себя узами брака. Свободу я ценю гораздо выше.

— Селино! — Черт побери, нужно, чтобы он выслушал её.

— И сними уже эту дурацкую тряпку. — Он направился к двери. Мели бросилась за ним, но Селино успел раствориться в ночи. Сердце шестнадцатилетней девочки лежало разбитым на полу.

Она написала ему несколько писем. Сначала электронных, но он удалил их, не прочитав; после этого — на бумаге. Её призывы остались без ответа.

Божество восстало против своей почитательницы, и в его сердце не нашлось места для жалости.

Дальше всё произошло именно так, как она и предполагала. Хотя формально помолвка считалась разорванной, никто из женихов-потомков и близко к Мели подходить не желал, пока Селино оставался холост. Во-первых, её готовили для другого мужчины. Во-вторых, Карванна мог передумать, и они не хотели невольно оскорбить молодую финансовую акулу Новых Дельф. Если бы Галдесы пользовались большим влиянием, то Мели смогла бы достойно выйти замуж, а так — ни один потомок не решался рискнуть, зная, что у будущих родственников не хватит ресурсов, чтобы защитить смельчака от гнева Селино. Четыре года она наблюдала за бесконечной чередой длинноногих блондинок в жизни бывшего жениха, а в двадцать лет поняла, что он никогда не женится. Слишком уж явно он наслаждался своей свободой. Мели грозило пополнить собою ряды старых дев.

Она отказалась оставаться обузой. В конце концов, она же мелдер. Управление смертельно опасной эне-лентой помогало справляться с чувством неудовлетворенности. После смерти матери Мели отреклась от семьи, начала жить отдельно и стала незримым

клинком Галдесов. Прошло больше десяти лет. Мели многих убила во благо своей родни, но сначала она всегда тщательно проверяла все данные и убеждалась в виновности жертв. У неё было два коротких романа, но они не смогли заполнить пустоту внутри.

За это время Селино успел стать не просто богом, а настоящим титаном. Состояние семьи Карванна под его руководством неуклонно росло, они процветали.

Галдесы же до сих пор прозябали в том же болоте, что и раньше. И теперь они хотели, чтобы Мели убила человека, который обрёл её на такое существование. Того, кого она так хорошо знала.

Мужчину, от чьего взгляда замирало сердце, несмотря на то, что он мимоходом жестоко её обидел, несмотря на прошедшие годы, несмотря на пропасть, лежащую между ними, несмотря на сильное рассудочное желание ничего к нему не чувствовать.

Мели встала. Следующие несколько дней должны быть просто восхитительными.

* * *

Проснувшись рано утром, Селино лежал в постели и разглядывал потолок. В спальне царил благословенная тишина.

Ему снилась женщина в красном платье, её роскошное тело, золотистая кожа. Они были в кровати. Селино накапал мёда на её возбуждённые соски и медленно слизал лакомство, а незнакомка смеялась. Проснулся он с каменной эрекцией.

Нелепая юношеская фантазия.

— Ромулд. Только звук.

Огромный экран на стене загорелся бледно-голубым светом.

— Господин? — Тихо произнёс Ромулд.

— Что тебе удалось узнать о той женщине?

— В лаборатории получили два неполных отпечатка пальцев. Совпадений с базой владельцев глайдеров не обнаружено.

Значит, либо у неё нет транспортного средства, либо оно не зарегистрировано.

— Сканирование не выявило имплантатов класса В и выше или био-модификаций.

Она не воин, это Селино и сам понял.

— Владелец кафе сообщил, что она иногда — но не чаще, чем два раза в месяц — заходит к нему, арендует печь и готовит. Он сказал, что вряд ли она появится снова в течение ближайшей недели или двух.

— Что она пекла в прошлый раз?

— Яблочный пирог.

Селино прервал связь.

Итак, эта женщина ворвалась в его жизнь, а потом пропала. Думает, наверное, что никогда его больше не увидит. И очень ошибается. Он хотел её, а такого, чтобы Селино не получил желаемого, ещё не случалось.

Где же её искать? Куда пойдёт симпатичная, соблазнительная провинциалка в Новых Дельфах?

— Нария, только звук.

Несколько секунд спустя в спальне раздался голос сестры:

— Селино?

— По каким магазинам ты ходишь, когда бываешь в городе?

— И тебе тоже доброго утра! — На том конце послышался смех ребёнка. — По каким магазинам? Ну, например...

Он терпеливо выслушал длинный перечень детских универмагов и дизайнерских бутиков. Селино выбрал не ту родственницу:

— А тётя Рене?

— Она идёт на «Базар». Обожает этот рынок.

— Спасибо.

Селино разъединился и позвонил Ромулду:

— Рынок «Базар». Найди её.

* * *

Доклад прораба затянулся. Селино уловил суть в течение первых пяти минут: строительство отстало от графика, и виноваты в этом рабочие, поставщики, погода и божественное провидение. Прораб же, непорочная душа, тут совершенно ни при чём. Селино собирался уволить его сразу после выступления, однако сначала дал возможность высказаться.

На экране личного коммуникатора появился Ромулд, и в ухе раздался голос телохранителя:

— Мы нашли её.

Изображение расплылось, а затем на дисплее возник рынок. Ромулд запустил робота-наблюдателя. Устройство парило над толпой, никто не обращал на него внимания. Установленная на нём камера скользила по лицам посетителей «Базара» и, наконец, остановилась на интересовавшей Селино женщине. На ней было надето зелёное платье с красной юбкой — незнакомка походила на перевёрнутый цветок. Сегодня она оставила волосы распущенными, и ветер радостно трепал тёмно-каштановые пряди. С невероятно серьёзным выражением лица женщина торговалась с зеленщиком: лавочник возмущенно взмахнул руками; она закатила глаза; в ответ он покачал головой. Древний торговый ритуал оживленно шёл свои ходом, обе стороны явно наслаждались процессом. В конце концов, женщина покинула палатку с пучком трав в наплечной сумочке.

— Продолжай наблюдение, — неслышно для окружающих прошептал Селино, но имплантат по аудиоканалу передал приказ Ромулду. — Выясни, где она живёт.

— Установить жучок?

— Нет, просто проследи.

Совещание завершилось через десять минут. Когда Селино разобрался со всеми проблемами и поднялся на стоянку к своему глайдеру, Ромулд уже сообщил адрес. Женщина жила в двух шагах от рынка, в Старом городе.

Домик, построенный давно, во времена второго расширения, прятался за оградой из прочного пластика, замаскированного под камень. Облетая дом, Селино увидел полный ярких красок задний дворик — видимо это был сад. Вполне в духе вчерашней сотрапезницы.

Карванна приземлился на крохотную парковку и отметил, что свежих следов не видно. У хозяйки на самом деле не было глайдера. Селино подошел к двери. Секунду колебался, не постучать ли; потом пожал плечами и приложил маленький диск — электронную отмычку

— к панели над замком. Индикатор на диске пару раз мигнул, но продолжил гореть красным. Не вышло.

Селино дернул дверь. Открыто. Что за ерунда?

Он вошел.

Весь дом был перед ним как на ладони. Обычная прямоугольная прихожая с ровным рядом женских туфелек вела прямо в кухню, откуда доносились тихое пение и ритмичные удары ножа по разделочной доске. Слева прихожая примыкала к большой квадратной жилой комнате — ещё одному свидетельству того, что дом построен во времена, когда в ходу были материальные носители информации и книги из псевдо-бумаги, занимавшие много места. Сейчас же отделанная в голубых тонах комната казалась полупустой: два мягких кресла, небольшой настенный экран и гора подушек на полу в противоположном углу. Пластиковые двери в сад полностью раздвинуты, закрыта только тонкая сетка.

Селино прошел в кухню. Он мог бы поклясться, что не выдал себя ни звуком, но хозяйка подняла голову. Её взгляд заставил Карванну остановиться — она просто ошеломила его красотой своих тёмных, кофейно-коричневых, будто бы бархатистых, глаз, в которых светились ум и жизненная сила. От этого взора в венах Селино закипела кровь, в нём пробудилось дикое желание, до сей секунды дремавшее. Он будет обладать этой женщиной. Хоть она этого ещё не знает.

— Что вы здесь делаете? — Она не выглядела ни испуганной, ни взволнованной, а лишь немного возмущенной тем, что он проник в дом без разрешения.

— Вы не сказали, как вас зовут. — Карванна стряхнул с себя ступор и медленно сел напротив неё. На кухне вкусно пахло бульоном и пряностями. Горка измельченной зелени лежала на разделочной доске.

— Думаю, стоит попросить городскую охрану выкинуть вас отсюда.

— Считаешь, у них это получится? — Вряд ли. Даже отряд элитных блюстителей порядка не заставил бы Селино отказаться от её общества.

Она оценила ширину его плеч:

— Не уверена. Вид у вас довольно хмурый и грозный. Внутреннее содержание соответствует внешнему?

— Да.

— Понятно.

Она подняла крышку, выпустив из кастрюли ароматное облако, и добавила зелень в суп.

— Чего вы хотите?

— Тебя.

— Почему?

Селино нахмурился:

— Сам не знаю. Меня преследуют сны о твоей груди и медё.

Брови женщины поползли вверх. Он заметил слабый румянец на загорелых щеках. Зрелище было одновременно и эротичным и воодушевляющим.

— Знаю, звучит как подростковая фантазия.

— Вы ворвались в дом совершенно незнакомой женщины, расселись у неё на кухне и предлагаете предоставить вам грудь, дабы вы могли удовлетворить свою «медовую» причуду. Какая женщина устоит перед таким предложением!

— У тебя было немного любовников, правда?

Он смотрел, как исчезает её румянец. Почему-то вдруг стало важно, что она ответит.

Тут её щеки вспыхнули снова, и Селино удовлетворённо улыбнулся.

Она показала половником на дверь:

— Вон.

— Как мне заполучить тебя? Чего ты хочешь?

— Вы несёте бред.

Селино снова улыбнулся:

— Но ты меня не боишься.

Она села:

— Нет, вы не похожи на насильника.

— Несмотря на мой хмурый и грозный вид?

— Вы любите выигрывать. — Женщина отпила из бокала. — Насилие будет означать, что вы проиграли, и вам не удалось меня покорить.

В двух предложениях она передала суть его характера.

— Меня зовут Селино Карванна. Я могу исполнить любую твою мечту — только скажи. А потом, если пожелаешь, ты претворишь в жизнь и мою фантазию.

— Это прозвучало слишком уж пафосно, вам так не кажется? — Она улыбнулась, её розовые, как вчерашнее сладкое вино, губы казались очень мягкими.

— Обычно женщинам нравится пафос и решительные страстные признания.

— Я не из тех женщин. К несчастью для вас, я не продаюсь. — Она поставила локти на стол и положила подбородок на сомкнутые ладони. — Итак, у вас не получилось ни запугать, ни купить меня. Ужасно любопытно, что же вы будете делать дальше.

Селино представил как перепрыгивает через стол и овладевает её губами в страстном поцелуе:

— Возможно, я начну восхвалять твоё кулинарное мастерство.

— А, лесть! Немного предсказуемо, но зачастую срабатывает.

— Я тебе нравлюсь?

Она осмотрела его. Взгляд её прошёлся по скрытой под чёрным камзолом груди Селино, ласково скользнул по плечам и сильной шее, замер на мгновение на скулах и наконец встретился с его пристальным взглядом. Её глаза цветом напоминали жидкий шоколад. Карванна почувствовал, как его охватило волнующее напряжение.

— Да, — сказала она немного удивленно. — Нравиться.

— Позволишь мне поцеловать тебя?

— Пожалуй, нет. Однако угощу супом, раз уж мы сидим у меня на кухне, а я голодна. Вам, похоже, нравится грубить, но я не могу забыть о приличиях и есть одна под вашим ледяным взглядом.

— Ледяным?

— Я бы даже сказала — арктическим. Миски для супа прямо позади.

Селино встал. Стена была покрыта обычными встроенными шкафчиками. Он постучал по ближайшему. Ящик выскользнул из стены, внутри оказался ряд аккуратно сложенных пиалок. Карванна выбрал две и задвинул ящик обратно.

Женщина разлила суп:

— Пообедаем в саду?

Он прошёл вслед за ней по дому в сад. И оказался окружен цветами всех возможных оттенков и форм. Георгины. В юности Селино провел бесчисленное количество часов, сидя в кресле на балконе семейного особняка, решая финансовые головоломки. И когда поднимал

глаза, чтобы в голове прояснилось, взгляд Карванны, как и сейчас, натыкался на буйство цветущих в саду георгин.

— Присаживайтесь, — предложила хозяйка.

Селино расположился в кресле и отпил из пиалки. Суп был восхитительный: пряный, с кислинкой, слегка приправленный жгучим перцем.

Доев, они так и сидели рядом, ничего не говоря. На Селино снизошёл глубокий покой. Умиротворённый и отдохнувший, он был совершенно счастлив просто жить.

Аудиопередатчик в ухе пикнул в третий раз. Селино немилосердно опаздывал. Он молча поднялся, поклонился хозяйке и ушёл.

* * *

Вот так. И дня не прошло, как он нашёл её. Иного Мели от Селино Карванна и не ждала.

Он мечтал накапать мёда ей на грудь. Довольная полуулыбка появилась на её губах. Понадобилось почти восемнадцать лет, за которые она из костлявой девочки превратилась во взрослую женщину, но мама оказалась права — как обухом по голове!

Тело Мели откликалось на его взгляд, как гитарная струна на прикосновение умелого музыканта, но ему она этого не показала. Селино стал её сладкой отравой. Мели снова испытывала тот же восхитительный трепет, что и в отрочестве, только теперь она уже не невинная девчушка. Сейчас она использовала своё благоговенье для нагнетания сексуального притяжения между ними, позволив Селино почувствовать ровно столько, сколько было нужно, чтобы подтолкнуть его к решительным действиям. Как и любой хищник, он не мог не погнаться за убегающей добычей. А когда, в конце концов, она даст себя поймать, их противостояние сведёт его с ума.

Наверное, она должна стыдиться, что всё ещё желает Селино. Отцу стало бы неловко, если бы он узнал. А вот маме — нет.

Любовь своенравна. Разум над ней не властен. Мели не было никакого дела до парня двадцати двух лет, который, стремясь к свободе, растоптал её сердце. Кроме желания отомстить, никаких чувств к нему не осталось. Его храм лежал в руинах, идол разбит, а священные книги превратились в пепел. Она никогда больше не будет поклоняться ни ему, ни кому-либо другому.

Но мужчина, в которого превратился Селино, разбудил в её душе томление. Само олицетворение мрака с ледяными глазами, он не ходил, а крался — опасный, могущественный, уверенный в себе. Он научился терпению и осуществил свои мечты. И всё же под маской жестокости и профессионализма скрывался очень одинокий человек. Как и она.

Он был сексуально притягательным, она не могла не заметить этого и не откликнуться. Расчетливая сторона натуры Мели радовалась такому повороту событий. Карванна почувствовал бы фальшь. Как удачно, что когда они поцелуются, желание Мели окажется настоящим, как и её дрожь в ответ на его прикосновение. Никакого притворства во время секса. Она будет наслаждаться, упиваться Селино. Ей ни минуты не придется изображать удовольствие.

А когда он окажется в её власти, она наконец оплатит ему за годы боли, открыв жестокую правду.

Селино продержался два дня.

Положив ридер на подушку перед собой, Мели сидела дома, окутанная мягким вечерним сумраком. Приближение Селино она почувствовала прежде, чем он коснулся ручки входной двери.

— Лампа, — прошептала Мели, её охватила дрожь предвкушения.

В углу зажегся небольшой ночничок, разбавив сумерки неярким желтым сиянием. Через мгновение Карванна распахнул дверь и замер в проходе неясной ночной тенью:

— Ты когда-нибудь запираешься?

— Если бы я закрыла дверь, то как бы ты вошел?

Мели и не представляла, как быстро он способен двигаться. Селино с силой толкнул дверь, но прежде, чем та захлопнулась, он уже склонил колени на груды подушек перед Мели. Она подняла руку и провела кончиками пальцев по его щеке. Исходящее от него тепло вызвало покалывание в ладони и разожгло горячее пламя желания. Внутри всё сжалось от предвкушения. Мели представила, как Селино овладевает ею, скользит глубоко внутри, твердый, горячий... И поцеловала.

Его вкус пьянил. Карванна завладел её губами, язык проник к ней в рот, даря быстрые, лёгкие ласки. Пламя страсти превратилось в пожар, у неё закружилась голова. Селино отпустил Мели, и она обхватила его шею руками, прижавшись к твёрдой груди:

— Да, вот так, — прошептала Мели ему на ухо. — Просто возьми меня.

Она лизнула изгиб челюсти Селино и увидела, как на смену льду в его глазах пришёл голодный жар. Карванна схватил края её блузки и с легкостью разорвал суперпрочную ткань, обнажив грудь. Мели встала на колени и выгнулась ему навстречу. Губами он проложил горячую дорожку вдоль её шеи, по ключице и двинулся ниже. Его рука обхватила правую грудь Мели, поглаживая и сжимая. Он приподнял мягкую плоть, его рот накрыл возбужденный сосок, лаская языком, обжигая жаром страсти. Мели впилась в спину Селино ногтями:

— Да, ещё...

Он снова лизнул, и она заурчала. Мели была влажной, горячей и податливой. Ей казалось, что с каждым ласковым движением его языка она понемножку умирает. Селино провёл руками вдоль её спины, скользнул под лёгкие брюки и тонкие трусики и обхватил ягодицы. Сжав их ладонями, Карванна нежно толкнул Мели назад, на подушки. Она подчинилась.

Он зарычал, как голодный зверь, и сорвал с неё одежду. Мели лежала перед ним на подушках: грудь вздымается, ноги раскинуты... Он уставился на неё, как будто до конца не веря, что всё это в его распоряжении.

Она приподнялась и схватила его за чёрную рубашку:

— Снимай, — выдохнула Мели. — Всё, до последней нитки.

Селино обнажил грудь, будто бы вырезанную неистовым скульптором. Каждая мышца свидетельствовала о годах, посвященных изучению боевых искусств. Гладкий, безволосый торс в мягком свете казался сделанным из золотистого янтаря. И когда Мели прикоснулась к

нему, её пронзил электрический разряд. Она поцеловала твёрдый рельефный пресс Селино, растянула его брюки и, проскользнув рукой внутрь, нашла твёрдый член. Карванна застонал и подался вперед. Мели опустилась ниже, провела языком по головке и нежно обхватила её губами.

Селино отскочил и поспешно избавился от обуви и штанов. Его желание вызвало у Мели трепет удовольствия и радостный смех. Улыбка не успела сойти с губ, как Карванна схватил Мели и снова бросил на подушки, накрыв собой. Он завладел её ртом, и смех превратился в низкий гортанный стон. Она обняла Селино, чувствуя каждый сантиметр прижатого к ней, напряженного от страсти тела. Он, не останавливаясь, целовал её губы и шею, пока Мели не забыла обо всём на свете, кроме него. Она желала его, нуждалась в нём, а он всё дразнился, пока её терпению не пришёл конец. Наконец, твёрдое бедро Селино оказалось у неё между ног, раздвигая их. Он прижал её руки к подушке и толчком вошёл в горячее влажное лоно.

Наслаждение молнией пронеслось по телу Мели, став почти невыносимым. Она едва могла дышать, но он не дал ей времени привыкнуть к новым ощущениям. Карванна снова и снова брал её глубокими сильными толчками, каждый из которых приближал её к кульминации, пока удовольствие взрывной волной не пронеслось по телу. Мели засмеялась, не в силах сдержать свой восторг. Открыла глаза и увидела, что в тот же миг как её лоно сжало его член, Селино кончил. Экстаз от пережитого оргазма светился в его глазах.

Карванна вышел из неё, и она свернулась рядышком, положив голову ему на грудь. Он провёл рукой по спине Мели и покрепче прижал к себе. Долгое время они просто лежали, обнявшись, она слушала биение его сердца, пока не заснула.

Ночью Селино разбудил её, потому что снова хотел заняться любовью. А потом ещё раз. В предрассветных сумерках Мели обвинила его в ненасытности, а он только рассмеялся и соблазнил её на ещё один страстный раунд.

Утром, несмотря на то, что уже опаздывал, Селино остался на завтрак. Мели разлила по маленьким чашечкам кофе, не скупясь на сахар, и подала его вместе с красными ягодами арны на веточке и сладким пряным хлебом.

Карванна едва прикоснулся к еде. Взгляд его серых глаз светился теплом, останавливаясь на Мели. Селино взял её руку в свои и поцеловал.

Его нежность застала Мели врасплох. Она ждала быстрого прощания, но казалось, что Карванна не хочет её отпускать. Строя свои планы, она не рассчитывала на его привязанность и не представляла, какое удовольствие ей это доставит. Даже если реагировать так было глупо.

— Ты заставляешь меня сомневаться в своих кулинарных способностях, — сказала Мели. — Тебе не понравилось?

— Переезжай ко мне.

Она покачала головой:

— У меня своя жизнь, у тебя — своя.

Отблеск прежней холодности отразился в глазах Селино:

— Так что же, этим всё и закончится?

Она поцеловала его, и сама удивилась этой ласке:

— Мне будет плохо в твоей башне из слоновой кости. Я буду ждать тебя здесь. Приходи вечером.

Он притянул Мели к себе на колени:

— Я умею убеждать.

Она улыбнулась:

— Ах, да, сила страсти... Может, у тебя и получится. Но зачем стараться, если знаешь, что я этого не хочу?

— Чтобы ты находилась в полном моём распоряжении.

— Сегодня вечером я и так буду в твоём распоряжении.

Он поцеловал её в шею и Мели задрожала.

— Пообещай держать дверь закрытой, пока меня не будет.

— Обещаю. — Она прошептала ему на ухо код для входной двери.

— Скажи хотя бы своё имя.

— Мели.

* * *

Селино понял, что в глайдере посторонний, в ту же минуту, как закрыл входную дверь дома Мели. Поднялся люк, и показалось бледное лицо Маркуса.

— Мой господин, ещё немного, и я бы отправил отряд на ваши поиски, — тихо сказал англиканец, пока Селино усаживался на водительское место.

— И испортил бы одну из лучших ночей в моей жизни, подписав себе смертный приговор. Ты же знаешь, каков я в гневе. — Карванна поднял глайдер в воздух, влился в транспортный поток и позволил автопилоту перехватить управление. — Узнал что-нибудь?

— Много всего, но ничего стоящего. Дом числится за некой Мели Ассоль-Грей.

— Имя не настоящее.

Ассоль и Грей — это персонажи повести Александра Грина «Алые паруса». Дурацкая книжечка с древней планеты. Сейчас упоминание о ней можно встретить, разве только изучая Седьмое Возрождение Романтизма, когда она считалась квинтэссенцией основных идей эпохи. Селино познакомился с творениями этого периода лет в двенадцать-тринадцать. И терпеть его не мог.

— Она получила великолепное образование, — заметил Селино.

Маркус кивнул:

— По этому имени ничего не прослеживается. Госпожа Ассоль-Грей будто возникла из ниоткуда восемь лет назад. Ни глайдера. Ни медицинской карты. Живёт скромно, в пределах трёх тысяч в месяц. Средства на счёт поступают регулярно из закрытого фонда в Колониальном банке. Остальная информация засекречена. Взламывать систему безопасности банка рискованно, потребуется много времени и денег.

— Займись этим. Дом принадлежит ей?

— Нет. Она арендует его у того же банка за разумную цену.

— Купи дом. Через «Фонтен».

Маркус замялся:

— Скорее всего, она из потомков. Вариантов два: или она в бегах, и не хочет, чтобы её нашли, или отреклась от семьи.

Селино нахмурился. Отречения случались редко. Иногда все связи с семьёй разрывались по доброй воле, порой по настоянию родственников, благополучию которых угрожал изгоняемый. Отрёкшийся потомок теряет право на наследство, защиту и деньги рода. Серьёзный шаг, без причин на него не идут. В своё время, чтобы добиться свободы и

утвердить свою власть, Селино угрожал семье разрывом. Он долго думал, прежде чем так рисковать.

Мели оказалась загадкой, восхитительной головоломкой. Ни разу Карванна не встречал женщину, которая радостно смеялась бы, когда он доводил её до оргазма. Он хотел снова услышать этот смех.

Иногда отрекались и в интересах семьи: чтобы остальных её членов невозможно было в чем-либо обвинить. Так делали величайшие воры и убийцы. Тайно служа родственникам, ответственность изгой несли в одиночку. Селино ещё раз обдумал эту гипотезу.

Прошлой ночью Мели легко могла его убить. Он пришел к ней уверенный, что в случае необходимости в состоянии защитить себя. Не ожидал, что так сильно увлечётся. Его внимание принадлежало Мели безраздельно. Он заснул, обнимая её. И спокойно спал всё то недолгое время, что было отдано сну.

Почти невероятно, чтобы у убийцы не нашлось ни одного имплантата, используемого этой братией для работы.

— Копай дальше, — сказал Карванна, намереваясь заняться своим собственным изысканием. Сегодня ночью.

Он провёл её у Мели. Как и следующую ночь.

На утро третьего дня Селино перестал бороться с собой и в первый раз за последние пять лет позволил себе отменить все дела до конца недели.

Целый день они бездельничали. Просматривая книги на ридере Мели, Селино оценил её превосходный вкус, но тут — как того и следовало ожидать — ему на глаза попались «Алые паруса».

— Идиотская повесть, — прокомментировал он.

Она улыбнулась:

— А мне нравится.

Он открыл рот, чтобы возразить, но она прикоснулась пальцами к его губам:

— Я не прошу тебя изменить мнение. Просто признай, что у нас могут быть разные вкусы.

Они любили друг друга в её кровати, а после, Мели, положив голову ему плечо, попросила:

— Расскажи мне о своих женщинах.

— Их было много и все незапоминающиеся. Ни одной похожей на тебя.

— Чем я отличаюсь?

— Соврать не получится?

— Нет.

— Наверное, это и есть ответ на твой вопрос.

Она пихнула его кулачком в рёбра, и Селино рассмеялся.

— Не увиливай.

— Мужчины об этом не говорят.

Она приподнялась на локте и положила голову ему на грудь:

— Всё равно Расскажи.

— Я схожу по тебе с ума, — произнёс он. — Когда ты наливала мне суп у себя на кухне, я изо всех сил боролся с желанием перемахнуть через стол и зацеловать тебя. Но это чувство мне знакомо, иногда я испытывал его к почти незнакомым женщинам. С тобой же мне спокойно. Звучит прозаично, но для меня это ощущение бесценно. С тобой легко.

— Почему? — тихо спросила Мели.

— Ты похожа на меня: умная, сообразительная и практичная. И в то же время непохожа. Я хладнокровный беспощадный подонок, а ты — само счастье и добросердечие. А ещё ты очень нежная, — он провел руками по её груди, — и красивая.

Селино подразнил её сосок:

— Очаровательная, притягательная...

— Ты забыл...

Он поцеловал её и прошептал Мели на ушко:

— И вся моя...

— Не вся, — ответила она и выскользнула из кровати.

— А твои любовники? — спросил Селино позже, когда они сидели в саду и потягивали купленное им розовое вино. — Сколько их было до меня?

— Несколько.

— Слишком много.

— Почему ты так решил?

— Больше нуля — это уже слишком много.

Она рассмеялась.

— Расскажи мне о них.

— Их было двое. Первого я выбирала очень тщательно. Ему тогда почти исполнилось сорок, а мне — всего двадцать один. Он был очень добрым и улетал с планеты через несколько дней. Я хотела, чтобы всё прошло безукоризненно, чтобы мне не пришлось ни о чём волноваться.

— И как?

— Воспоминания остались приятные. Он был опытным, но я слишком стеснялась, и нам не хватало страсти.

— А второй?

— Числился в криминальном розыске. Этаким неотразимый негодяй. — Она отпила вина. — Мы были вместе почти год. Ты знаешь меня с одной стороны, а он знал — с другой, с той, о которой я больше не хочу вспоминать.

Острая стрела ревности пронзила грудь Селино.

— У тебя опять этот ледяной взгляд, — заметила она.

— Что он знал о тебе такого, чего не знаю я?

— Пусть это пока что будет моей тайной. Тебе не о чем волноваться. Тот мужчина мёртв. Он и правда оказался негодяем, и жадность довела его до могилы.

Мели нахмурилась.

— Что тебя тревожит?

— Мои чувства к тебе. — Она посмотрела на него. — Я счастлива. Мне нравится быть рядом с тобой.

— И почему это тебя беспокоит?

— Боюсь, что пропаду.

— Не понял.

— Поймёшь, — кивнула она. — Когда придёт время.

Селино пообещал себе, что рано или поздно узнает всё её секреты. Нужно только время и терпение.

Они занимались любовью в каждом уголке её дома. Обсуждали книги и ели стряпню Мели. Она удивила его глубоким пониманием происходящего в экономике, а он её — своими познаниями о георгинах. Карванна тайно заказал ожерелье из кроваво-красных ониксов, стоящее дороже роскошного глайдера последней модели. Когда украшение доставили, Мели отказалась его принять; зато пришла в восторг от приготовленной Селино еды.

Он никогда не встречал женщины настолько умной, жизнелюбивой и щедрой на душевное тепло. Она отдавала ему всю себя, без остатка. Селино был невероятно счастлив.

Так пролетело три дня. На четвертый произошел взрыв на заводе в Огавии.

* * *

Мели стояла перед монитором.

— Я вернусь завтра, — сказал Карванна. — Дождись меня, пожалуйста.

Её губы ещё хранили вкус его прощального поцелуя.

Пора. Другого шанса не будет. Мели чувствовала: сразу по возвращении Селино развернёт кампанию по её окончательному завоеванию. И сомневалась, что сможет устоять. Она влюбилась в Селино Карванна.

Надо или безжалостно покончить со всем сейчас, или навсегда забыть о мести. Когда в самом начале операции Мели пообещала себе довести дело до конца, несмотря ни на что, она заметно недооценила собственное сердце.

Было бы так легко уступить. Просто позволить Селино взять на себя все заботы, жить с ним рядом. Он никогда бы ничего не узнал.

Она напонила себе о двенадцати годах, в течение которых чувствовала себя отвергнутой, сломленной. Непрестанная тихая боль и ощущение потери чего-то жизненно важного сопровождали Мели повсюду. Столько лет кипел её гнев, не находя выхода.

Буря чувств, бушевавшая внутри, раздирала Мели на части.

Она расплакалась, а когда рыдания стихли, умылась и вернулась к экрану.

На лжи счастья не построишь. Мели очень хорошо знала Селино, а вот он совсем не знал её.

Она должна положить этому конец.

* * *

Селино был в бешенстве. В первый раз он не обратил внимания на то, что Мели проигнорировала его звонок. Подумал, что она принимает душ или ушла на рынок. Карванна стоял среди дымящихся руин и ждал, когда рабочие откроют реактор. С трудом получилось урвать несколько секунд, чтобы попробовать связаться с ней.

Когда и вторая попытка не увенчалась успехом, Селино позвонил своему человеку, оставленному присматривать за домом Мели, и обнаружил, что коммуникатор наблюдателя переведен в режим «Не беспокоить».

Селино начал волноваться. Вполуха слушая инженеров-экспертов, он выкроил минутку драгоценного времени, чтобы вывести на свой коммуникатор изображение с видеокамеры,

установленной им в саду у Мели. Увидел, как она прошла внутри, за сеткой двери. Попытался связаться ещё раз и наблюдал, как его вызов снова проигнорировали.

Соглядатай внутри? Мели пригласила его в дом? В свою кровать?

Судя по тому, что вдруг разговоры вокруг затихли, эти мрачные мысли отразились на лице Селино. Стоило ему двинуться, и окружающие предпочли по-быстрому убратся с его пути, заметив обещающий смерть взгляд.

Час спустя, завершив расследование и вернувшись на глайдер, Карванна обнаружил, что ему пришло сообщение. Однако, когда он, заперев люк, собрался просмотреть запись, на экране появилось предупреждение: «Сохранение запрещено». Что бы там ни было, он увидит это только однажды. Пересмотреть не получится.

— Воспроизвести, — процедил Карванна сквозь зубы.

На дисплее появилась Мели: волосы собраны сзади, серый бронежилет поверх рубашки того же цвета. Селино не знал, что подобная «одежда» есть у неё в гардеробе.

— Наблюдатель на кухне. Сейчас он под действием транквилизаторов, но должен очнуться к тому времени, как твои ребята доберутся сюда. А я ухожу.

Селино накрыла волна боли.

— Всё кончено. Мы больше не увидимся. Один человек как-то сказал мне, что, даже встретив самую изысканную и утончённую женщину на планете, он бы всё равно не связал себя узами брака, потому что гораздо выше ценит свободу. На этот раз я сама не хочу никаких уз. После стольких лет я наконец-то свободна от тебя.

Боль когтями рвала его на куски, но он заставил себя сосредоточиться на словах Мели. Они казались ужасно знакомыми. Только вот никак не получалось вспомнить: принадлежала ли эта фраза ему самому или кому-то другому. Но он точно знал, что слышал её прежде.

— Спасибо тебе за это. Я постараюсь тебя забыть. Прощай.

Экран погас. Селино чувствовал себя странно спокойным. Пустым. Холодным. Он сидел перед темным монитором и терпеливо ждал хоть проблеска эмоций. Хоть чего-нибудь.

Наконец вспыхнула слабая искра какого-то чувства. Через некоторое время Карванна понял, что это было. Яростный, ослепляющий гнев.

Меньше чем за час Селино преодолел путь, на который обычно требовалось вдвое больше. Двигатель глайдера чуть не взорвался. Ждавшие на посадочной площадке перед домом Мели подчинённые не решились приблизиться к боссу, когда он выскочил из кабины после чересчур лихой посадки. Исключением стал Маркус. На вопросительный взгляд Селино телохранитель покачал головой. Мели исчезла.

Дом выглядел выпотрошенным. Белье, подушки — всё как сквозь землю провалилось, каждый клочок. Из ниши в стене пропал терминал связи. Кухня после полной санитарной обработки казалась пустой.

Селино нашёл биотехника:

— Что-нибудь обнаружили?

Женщина покачала головой:

— Дом стерильно чист. Она всё проверила, я думаю, с помощью биосканера. Никаких биочастиц за исключением растений в саду.

Селина зарычал. Он сознательно не воспользовался ни одной из бесчисленных возможностей получить образец ДНК Мели. Решил, что узнает её тайны из одних только

разговоров. Хотел показать, какой он умный. Тогда вот и не подозревал, что времени может не хватить.

И теперь Мели уничтожила все следы и испарилась.

Он найдёт её. И выяснит, почему она так поступила.

Тут Селино вспомнил, как три дня назад соблазнил Мели на мягкой травке в саду. Перед глазами пронеслись образы: её лицо, освещенное солнцем, роскошное тело на зелёном покрывале, её улыбка. Снова приступ боли.

Карванна прошел в сад и опустился на колени в траву. Любые жидкие следы секса давно испарились. Селино внимательно осмотрелся — гнев обострил его зрение — и увидел длинный волос, обвитый вокруг стебля георгина. Промашка Мели. Растительный фон снизил чувствительность биосканера, и волос остался незамеченным.

Селино очень осторожно, будто драгоценность, распутал свою находку и передал её биотехнику:

— Проверь по базе данных потомков.

Карванна стоял рядом с гудящим анализатором, который сравнивал обнаруженный образец с ДНК всех известных родов.

— Аппалачи — три процента, — доложила биотехник. — Пейтел — семь целых, две десятых. Виноградовы — четыре процента...

«Не то, ерунда всё это», — зло подумал Селино.

— Галдес — семьдесят девять целых и одна десятая процента.

Он собрался. ДНК внутри семей варьируются, и совпадение на семьдесят и больше процентов говорило о несомненном родстве.

В голове Селино мелькнула ужасная догадка. Однако он хотел доказательств.

Карванна крутанулся в сторону Маркуса:

— Мне нужен доступ к файлам Галдесов. Меня не волнует, чего это будет стоить и как ты это сделаешь, главное, сделай.

Три часа спустя Селино стоял за спинами двух своих лучших хакеров, изучая информацию на трёх мониторах. Внушать подчинённым страх в таком состоянии ему удавалось даже слишком хорошо. Они сумели в рекордно короткий срок обойти систему безопасности и получить доступ к секретной информации семьи Галдес.

С изгоями могли поддерживать связь только глава семьи и его доверенные лица.

— Мне нужны все записи исходящих звонков Лиона, Азара и Энджела с десятого по семнадцатое. — Неделя до того, как Селино впервые встретил Мели.

На экранах возник длиннющий список.

— Исключить номера, принадлежащие Галдесам.

От списка осталась пятая часть.

Они нашли нужную запись через час. Когда Мели появилась на дисплее, Селино не сразу понял, что они обнаружили то, что искали.

— ... сложное задание, — произнёс Энджел.

Взгляд Мели ничего не выражал:

— Больше никакой работы. Я удалюсь от дел.

— Это личная просьба отца, Мели.

Карванна наблюдал, как она закрыла глаза. Мели продолжила разговор, но сама замерла в ожидании чего-то.

Гладкий диск перехватчика выскользнул из коридора позади неё. Глаз она не

открывала.

Робот приблизился, его дуло повернулось в её сторону.

Прозрачная зелёная лента вылетела из запястья Мели на огромной скорости. Перехватчик рухнул на пол дымящейся грудой хлама.

— *Боже мой*, — прозвучало восклицание Энджела.

— Мелдер, — прошептал Маркус, его глаза округлились. — Я позволил вам войти в дом мелдера без охраны.

— Ты не знал.

— Я...

— Я не виню тебя, — прорычал Селино. — Ты не мог знать.

Он повернулся лицом к экрану:

— Повторите последние десять секунд.

Карванна наблюдал, как Мели разрезала смертельно опасного робота пополам. Аккуратно. Элегантно. Не делая лишних движений. Она была великолепна.

И все же она оставила Селино в живых. Несколько дней он был в её власти, но Мели ни разу не попыталась напасть. Увидев её в действии, он не сомневался, что она легко смогла бы убить его.

Что же её остановило?

— Сравнить сетчатку с изображениями из архивов Галдесов второй степени секретности и выше, — оцепенело произнёс он.

На экране появились глаза Мели. Компьютер начал обрабатывать информацию: персональные файлы из архива сменяли друг друга на левом мониторе. Наконец совпадение было найдено. На второй половине центрального дисплея высветилось изображение совсем молоденькой девушки. Не старше восемнадцати. Её глаза ярко светились надеждой. Гнев Селино потух, превратившись в глыбу льда.

— Полное имя, — сказал Карванна, с трудом узнав собственный голос.

— Имельда Анара Галдес. Дочь Лиона Галдеса, сестра...

— Достаточно.

Селино закрыл глаза и потер переносицу пальцами. Он вспомнил, где слышал сказанные Мели слова. Он сам бросил их ей в лицо двенадцать лет назад.

— Мы нашли скрытые файлы с этим именем, — произнес один из хакеров.

Карванна заставил себя открыть глаза:

— Покажите.

На дисплее появились две папки: «Помолвка» и «Отречение».

— Оставьте меня одного.

Все с радостью покинули комнату. Кроме Маркуса.

— Оставь меня, — повторил Селино.

Англиканец поклонился и вышел. Карванна сел в кресло.

— Помолвка, — сказал он угрюмо.

На мониторе появилась фотография его самого в юности. Селино нетерпеливо прокрутил страницу ниже. Дальше шел перечень прочитанных им книг: каждое название сопровождал комментарий. Мели добавила и своё мнение. «Селино — понравилось, но главным героям не хватает дисциплинированности; Мели — согласна». Следующая книга. «Селино — ерунда, не дочитал. Мели — скучное начало, но дочитать бы стоило». Рядом с «Алыми парусами» он написал: «Сопли в сахаре», а она прокомментировала: «Селино, ты

идиот».

Примечания к списку голографических фильмов выглядели точно так же: сначала его мнение, потом — её. Селино нашел кучу своих школьных заметок. Мели изучала его, как будто он был древним философом, а она — его ярким последователем. Судя по тому, что записи попали к ней в руки, ей помогал кто-то из семьи Карванна.

Селино стал смотреть дальше и наткнулся на собрание рецептов. Среди них нашлись и сладкие рожки, в углу стилусом была сделана приписка: «Мели, не забудь про цедру!». Мелкий почерк мамы. В сговор против Селино вступила его собственная мать.

Неудивительно, что он чувствовал себя с Мели так легко. Она очень хорошо его знала. Можно сказать, заглянула к нему в голову, прочитав заметки и всяческий вздор его сочинения. Зачем? Вдруг пришло шокирующее озарение — чтобы они вдвоём смогли жить счастливо. Мели предполагала, что выйдет замуж за Селино, и понимала, что он будет враждебно к ней настроен, поэтому старалась не стать ему обузой.

Он прокрутил свои школьные записи и увидел финансовые расчеты — их она тоже проанализировала. Рядом с планом по приобретению «Ромиан» Мели приписала: «Гениально. Доказательство того, что Бейвейни может засунуть себе свой „Менеджмент от А до Я“ туда, где никогда не светит солнце».

Остальные документы тоже сопровождались её комментариями.

«Всё так же не хватает терпения».

«Не верю, что он пошёл на это».

«Он или гений от бизнеса, или безжалостный грабитель, которому всё по барабану. А может, и то, и другое».

Очарованный, Карванна хотел продолжить чтение, но важнее было найти Мели:

— Расписание Лиона на эти сутки.

Взять в плен Лиона Галдес и обоих его сыновей оказалось на удивление легко. Они просто не ожидали такого нахального нападения посреди белого дня на улице рядом с рестораном «Кантина». Селино сам руководил группой захвата. Пленников, связанных и с кляпами во ртах, запихнули в бронированный глайдер, который потом спокойно отчалил.

Поднявшись в воздух, Карванна ослабил кляп Энджела:

— Где твоя сестра?

— Не знаю, — прорычал младший Галдес. — Она должна была убить тебя. Почему ты ещё жив?

— Именно это я и хочу узнать.

Селино допросил всех пленников по очереди. Потом, дабы убедиться в их правдивости, подержал Энджела вверх ногами над открытым люком на трехсотметровой высоте. Они не представляли, куда делась Мели.

Карванна спрятал Галдесов в своём особняке. С того момента, как Мели отправила сообщение, прошло тридцать часов. Селино не спал и не ел всё это время, и до сих пор понятия не имел, где она.

Надо думать, как она. Куда бы он направился на её месте?

Наконец он догадался. Взяв новый глайдер из гаража, Селино вылетел в Далию.

В старом тренировочном зале, тускло освещённом фонариками, парили четыре робота-перехватчика. Мели, в футболке и в шароварах, стояла в центре. Глаза её были закрыты.

Селино остановился рядом с чертой, ограничивающей зону сражений. Он не знал, как Мели удалось обойти охрану, но уже ничему не удивлялся.

Она открыла глаза и посмотрела прямо на него. Сенсоры на перехватчиках засекли Мели, и роботы рванули к ней с четырех сторон.

— Я и не думала убивать тебя, — произнесла она.

Прозрачная зелёная лента на невероятной скорости вылетела из её запястья, и все четыре робота рухнули на пол грудями металлолома.

— Просто хотела, чтобы ты на своей шкуре ощутил то же, что и я. А информация Энджела всегда верна, грех было не воспользоваться такой возможностью.

— Я был жесток, — сказал он. — И я не изменился.

— Знаю. — Мели подошла к первому перехватчику, подняла его и выкинула в мусорное ведро. Она двигалась всё с той же грацией, которая сводила Селино с ума. Он последовал за Мели, не пересекая черту на полу.

— Зачем ты пришёл? — спросила Мели.

— Ты завладела моим сердцем. Куда я пойду без него?

— Домой.

— Нет, пока не верну то, что принадлежит мне.

Она остановилась и подняла на Карванну свои бархатные глаза:

— Я никогда не была твоей.

— Неправда, была, когда смеялась во время оргазма, когда засыпала в моих объятьях или улыбалась моим шуткам, когда прикасалась ко мне.

— Ты принял за любовь отголоски умирающей страсти. У тебя вообще есть гордость? Ты и правда считаешь...

— ...что мольбы смогут изменить моё решение? — закончил он, пересёк линию на полу и скользящей походкой приблизился к Мели. Селино чувствовал себя хищником на знакомой территории — он знал каждый сантиметр старого спортзала. Когда между ними осталось всего пара шагов, Мели напряглась. — Я пришел сюда не умолять. Хочу получить то, что было мне обещано.

Она вздохнула:

— Я давно простила тебя за то, что ты разорвал помолвку. Ни за что не прощу наши семьи, втавившие нас во всё это, но тебя я простила. Ты боролся за свою свободу. Я это уважаю.

— Зачем же наказываешь?

— Потому что ты не стал меня тогда слушать. Если бы ты согласился на брак, а на следующий день развёлся, то я бы тоже была свободна. Не осталось бы сомнений в том, что я не нужна тебе. Вот о чём я хотела попросить тем вечером. Об одном дне. Тебе бы не пришлось заниматься со мной сексом. Ты мог бы даже не приходить на венчание. Просто расписался бы на проклятой бумажке, а через сутки черкнул бы ещё на одной. И я бы тоже обрела свободу, смогла бы выбрать спутника жизни, выбрать будущее.

— Ты и так могла бы сделать всё это, — произнёс он озадаченно.

— Я была никому не нужна, Селино! — Эне-лента, стрелой вылетев из руки Мели, порубила ближайшего перехватчика на мелкие кусочки. — Все боялись, что однажды ты передумаешь и объявишься на пороге, требуя компенсацию за украденную невесту. Ты даже

не женился. Пусть другие семьи и не ждали, что ты предъявишь на меня права, но такая возможность всегда оставалась. Собственно, сейчас ты пытаешься ею воспользоваться.

Наконец, Карванна понял — его независимость куплена ценой её свободы.

— Об этом я не подумал.

Мели повернулась к нему:

— Я надеюсь, ты на самом деле любишь меня и тебе сейчас очень больно.

— Очень, я и представить себе не мог, что бывает так больно.

Она расстегнула браслет мелдера, опустилась на пол и позволила оружию соскользнуть вниз.

— Селино, уходи.

— Не могу. Если бы для твоего счастья мне потребовалось вырвать своё сердце и отдать тебе, я бы ни секунды не колебался. Я совсем не ангел, скорее хладнокровный, жестокий ублюдок, но с тобой я чувствую себя человеком, и я знаю, что тебе тоже хорошо со мной. Не бросай меня, Мели. Клянусь, что сделаю всё возможное ради твоего счастья. Стану тебе защитой, тихой гаванью. Со мной ты сможешь быть самой собой.

Она безразлично покачала головой:

— Ты ничего обо мне не знаешь.

— Я знаю, ты считаешь, что у «Мести мадьяра» скучное начало, но концовка всё окупает. По-твоему, я сглупил, остановившись на первых главах. Я в курсе, что ты терпелива, но периодически забываешь, что стандартный коэффициент рентабельности на планете равен 4,58, а не 4,56. Поэтому твои расчеты краха «Поглощения Парсона» отличаются от моих.

Перелет в Далию занял восемь часов, которые Селино провёл за изучением заметок, предварительно вколов себе стимулятор, чтобы не заснуть.

Мели посмотрела на него:

— Ты взломал базу данных Галдесов. Я думала, эти файлы давно уничтожены.

— Взломал, и, как видишь, всё цело. Я знаю подробности всех твоих убийств. Семья просила о шестнадцати, но ты согласилась только на одиннадцать, ставших возмездием за причиненный Галдесам вред. Кстати, я считаю, что в деле Гарсии ты пошла на неоправданный риск. — Он встал рядом с ней на колени. — А ещё я похитил твоего отца и братьев. И не постеснялся бы попытать их, если бы решил, что им известно, где ты.

Она тихо и невесело рассмеялась:

— Странный способ понравиться девушке.

— Я никогда не притворялся добрым или благородным. Но с тобой я буду таким. — Он обнял её, притянув к себе, прижав спиной к своей груди. Мели попыталась вырваться, но не смогла. Не физическая сила, а меткость была её основным преимуществом. Селино легко удержал Мели на месте. — Я люблю тебя. Я не любил шестнадцатилетнюю девочку, но сейчас я люблю тебя. И я очень сожалею, что разрушил твою жизнь, но вместе мы можем построить новую. Остайся со мной.

— Отпусти.

Он разочарованно зарычал:

— Ради чего ты обрекаешь нас обоих на страдания, Мели? Разве мало тебе было мучений? Я всю оставшуюся жизнь буду стараться сделать тебя счастливой, пусть это станет моим наказанием.

— Отпусти, Селино.

— Не могу, — прошептал он и поцеловал её волосы.

Селино напрягся, застыл. Раз она не хочет, нельзя, невозможно заставить её, привязать к себе. С трудом справившись с собою, он зарычал и выпустил Мели из объятий. Она встала:

— Ты сломал меня тогда, Селино, лишил будущего. Больше десяти лет я жила с этим. Близкие обращались со мной, как с прокаженной. Я отреклась от рода, только чтобы не видеть их жалости. Такое не исправишь, проведя ночь за чтением старых заметок.

Мели вышла из зала. Его сердце снова было разбито.

Наутро Селино Карванна сложил с себя полномочия главы рода.

* * *

С ридером в руке Селино сидел на балконе, опоясывающем второй этаж. Рядом стоял стакан чая со льдом. Внизу цвели георгины. И через два года Селино всё ещё не мог видеть их без боли — они напоминали о ней. Он заставлял себя смотреть на них время от времени. Уж не начал ли он получать удовольствие от страданий?

Он поднял взгляд. И увидел Мели среди цветов. На ней был простой ярко-красный сарафан. Она постриглась: короткие прядки разной длины мягким облаком обрамляли лицо. Опять обошла охранников. Селино этому не удивился.

Она приблизилась к дому и поднялась по лестнице на балкон. Когда Мели села в кресло напротив, подобрав под себя ноги, и повеяло слабым цитрусовым ароматом её волос, Селино наконец поверил, что это не сон.

— Зря я позволила им принудить себя, — произнесла она. — Даже в десять лет я должна была понять, что ничем хорошим это не кончится. Напрасно я изо всех сил старалась стать тебе идеальной парой.

— Любая девочка вела бы себя точно так же, — возразил Селино. — Ты послушалась родителей. Они поощряли тебя, хвалили за успехи. Во всём виноваты они — и я. К сожалению, я вёл себя, как заносчивый самодовольный кретин. Оба раза.

— Семья Карванна терпит убытки. И угрожает тебе изгнанием, потому что ты отказываешься спасти их от самих себя.

Как она узнала? Это держалось в большом секрете.

— А они ещё хотят, чтобы я отдал свои личные средства на погашение их долгов. Они не исполняют угрозу; всё ещё надеются, что я передумаю и вернусь в бизнес.

Мели приподняла брови:

— А ты передумаешь?

— Меня это больше не интересует, — покачал головой он.

— Врёшь. Я прочитала файлы ИНСА.

Он скривился:

— Только последняя свинья могла решиться на агрессивное поглощение сети благотворительных больниц. Даже в худшие свои моменты я не был настолько бессердечен. Та спасительная операция — исключение.

Искорки зажглись в глазах Мели:

— А «Винодельни Виндерра»?

— Они оказались на грани разорения, а я всегда любил их вина. Виндерра пострадал из-за нечестного на руку бухгалтера. Это был вопрос профессиональной гордости.

— И то, что у владельца шестеро детей, никак к делу не относится?

— Никак.

— А счета фонда «Арид»?

— Мне было скучно, и я решил немного развлечься.

— Знаешь, твоя родня настроена серьезно.

Он пожал плечами:

— Мне всё равно.

Они ненадолго замолчали. Потом он спохватился:

— Моя семья заплатила тебе, чтобы ты уговорила меня вернуться?

— Нет. Сомневаюсь, что смогла бы. — Мели улыбнулась, и у Селино перехватило дыхание. — Тебе слишком нравится быть рыцарем-освободителем.

— Я долго работал на благо семьи. И теперь могу со спокойной совестью заниматься тем, чем мне хочется.

Мели рассмеялась:

— У тебя сейчас было такое характерное выражение лица, прямо, как в прежние времена. Тебя теперь редко таким увидишь.

— Ты за мной наблюдала?

Она кивнула и указала на восток:

— Я живу рядом. Купила фруктовый сад у Николы.

Селино недоверчиво уставился на неё:

— Давно?

— Полгода как.

Его охватила ярость. Мели шесть месяцев жила по соседству и никто не проронил ни слова! Маркус просто обязан был знать.

— Почему ты пришла? — выдавил он.

— Потому что люблю тебя, — сказала она. — Я стыдила себя, пыталась отрицать это, но ничего не вышло. Убежала на край света, а потом вернулась назад, потому что так изредка могла видеть тебя на рынке, и это помогало жить дальше. Знаю, звучит жалко.

— Почему же ты сейчас здесь?

— Потому что не понаслышке знаю, что такое отречение, — тихо произнесла она. — И не хочу, чтобы ты проходил через это в одиночку.

Она начала вставать. Он в мгновение ока оказался рядом, поднял её и прижал к себе. Цитрусовый аромат окружил их, тепло тела Мели воспламенило Селино, он с жадностью завладел её губами. Она с готовностью обняла его в ответ.

— Я больше не Селино Карванна, — сказал он, целуя Мели. Он уже не глава семьи потомков, у него нет былой власти, уважения и авторитета. Всё это в прошлом.

— А я больше не Имельда Галдес, — выдохнула она прямо в ухо Селино.

— Я каждый месяц летал в ту чертову забегаловку в Новых Дельфах, надеясь увидеть тебя. Купил твой дом и, как придурок, сидел в саду и ждал тебя.

Он ощутил солоноватый привкус и понял, что она плачет. Сглотнув, Селино прижал её к себе покрепче. Им завладела поразительная легкость. Казалось, ему что угодно по плечу, но сейчас он был всем доволен.

— Я люблю тебя, — хрипло сказал он. — Обещай, что больше не уйдешь.

— Обещаю, — ответила Мели и поцеловала его.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net